

УДК 101.2

А. В. Гижя

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

E-mail: 19andry06@mail.ru

КАК ТЕРЯЕТСЯ НАУЧНАЯ ОСНОВА ФИЛОСОФИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЕЕ ВНЕИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются примеры формально свободного теоретизирования в отечественной социально-философской мысли начала XXI века. Итогом является проблематизация процесса теоретизации в сфере познания общественной истории.*

***Ключевые слова:** теоретизация, рациональность, критика, догматика, историчность.*

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

E-mail: 19andry06@mail.ru

HOW THE SCIENTIFIC BASIS OF PHILOSOPHY IS LOST: SOME RESULTS OF ITS EXTRA-IDEOLOGICAL EXISTENCE

***Annotation.** The article considers examples of formally free theorizing in the Russian socio-philosophical thought of the beginning of the XXI century. The result is the problematization of the process of theorization in the field of knowledge of social history.*

***Keywords:** theorization, rationality, criticism, dogmatics, historicity.*

В связи с весьма радикальными изменениями во всех сферах жизни бывшего советского общества на протяжении последних 35-ти лет, начиная с 1989 г., когда окончательно обозначилось действительное направление «перестроечной», а на самом деле контрреволюционной деятельности высшего звена партийной номенклатуры в связке с силовым блоком, комитетом госбезопасности, следовало ожидать существенных сдвигов и в сфере общественного сознания. Для нас в данном случае наибольший интерес представляет философия – по причине даже не столько профессионального внимания, сколько вследствие присущей ей отзывчивости на исторические события. Понятно, что некоего исчерпывающего, целостного и объемного исследования в рамках одной статьи проделать и представить нельзя, но

здесь есть хороший выход – взять такой срез произошедших метаморфоз, который показал бы характерное соединение личностного, морального аспекта и всеобщего, понятийного. В этом случае появилась бы возможность выйти не просто на формальную и абстрактную констатацию, а выразить гегелевский способ интерпретации. Последний, как нередко пишут, заключается в диалектическом методе, но им еще надо овладеть.

Как показала практика советского (и постсоветского) периода истории, нельзя просто усвоить формулировки материалистической диалектики о противоречивости сущего и далее с успехом применять их в анализе интересующей темы. Гегель дает не только сам метод, но обрисовывает специфику его предпосылок, выраженных в новом учение о понятии. Здесь он поистине революционно преодолевает рамки аристотелевской логики, с одновременным сохранением ее в снятом виде. Гегель пишет: «Понятие есть... тотальность, в котором каждый из моментов есть целое, представляя собой понятие, и положен как нераздельное с ним единство...» [1, с. 341]. Таким образом, с диалектической точки зрения, выразить нечто понятийным образом означает дать, во-первых, целостное представление предмета, и, во-вторых, особенность и единичность предмета также должны быть определены в качестве обобщенно-целостных смысловых величин. Так будет достигнута форма конкретного понятия. Итак, попытаемся представить и оценить существенные изменения в рамках отечественной философской традиции. Для этого требуется выразить отдельные и, казалось бы, частно-особенные высказывания в ракурсе их общего и существенного звучания.

Конкретно-историческое осмысление общественных процессов в их целостности возможно на основе научно-философской методологии. Особенностью научного подхода является не только логическая и эмпирическая обоснованность результатов исследований, но и реализация их практического применения. В отношении естественнонаучного знания это вполне очевидно, но для знания социально-исторического ситуация нередко складывается, как кажется стороннему наблюдателю, неоднозначно. Поскольку история движется в формах активной человеческой деятельности, проявляющейся не только в познавательном отношении, но и во всех прочих – экономическом, политическом, культурном и т.д., может возникнуть фактор пересмотра прежних воззрений, учений и мировоззренческих позиций, реализуемый под благовидным предлогом критики.

Сам по себе такой подход, разумеется, не может вызвать возражений. Добросовестная научная критика, основанная на новых материалах, документах, фактах, выпадающих из поля зрения существующей теории, не может быть отвергнута. Но это справедливо лишь в случае полноценного критического анализа, проводимого непредвзято, без намеренного искажения критикуемой позиции. Выполняется ли это простое требование в условиях нынешнего отвержения советского исторического опыта, которое полностью меняет исторические оценки духовных и матери-

альных достижений советской цивилизации? Достигается ли в предлагаемых новых взглядах действительное развитие социального знания?

Покажем специфику некоторых образчиков теоретизирования в отечественной философии на двух характерных примерах. Бросается в глаза ее упор на преимущественно софистически-демагогический, в конечном счете – неприкрыто идеологический набор способов интерпретации и получения выводов. При этом последние только по видимости получают форму научно-логического анализа.

Так, Лекторский, критикуя Маркса, пишет: «Нужно сказать, что в марксовом понимании деятельности существует один изъян, который сказался и на философских и психологических разработках деятельностной тематики в нашей стране. Дело в том, что исходной и привилегированной формой деятельности считается труд. Такое понимание связано с идеей о взаимоотношении производственной и иных форм деятельности, базиса и надстройки — идеей, которая не выдержала испытания временем. Сегодня труд во все большей мере опосредуется деятельностью в сфере науки, а богатство страны все больше зависит не от деятельности в сфере материального производства, а от производства знаний [2, с. 80-81].

Высказал ли Лекторский в приведенном фрагменте что-либо более адекватное и прогрессивное, нежели Маркс? Нет, и утверждение «изъяна» является поспешным и необоснованным в двух отношениях. Первое, Маркс реализовывал именно свою программу исследования капиталистического общества, с оговоренными, материально данными целевыми условиями и не обязан отвечать за детальные трактовки будущих эпох. Второе, поскольку же Маркс мыслил философски обобщенно, то наряду с его анализом текущего состояния экономико-политических отношений, обязательно возникают и содержательные выходы на те моменты, которые еще недостаточно проявились, или не являются актуальными по какой-то причине, или же не требуют на то время детального разбора, но которые вполне ясно обозначены. Так, Маркс отмечает, что «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [3, с. 116]. Эта, и многие другие выдержки из работ Маркса показывают широту и основательность его трактовок категории труда, отнюдь не сводящихся к какой-то одной его форме. Лекторский, надо сказать, в своей антимарксистской формулировке не высказал ровным счетом ничего по причине ее крайней абстрактности.

Таким образом, приведенный пример теоретического подхода, сводящийся, в основном, не к понятийным разысканиям, а к карикатурно-вульгарному представлению той или иной концепции, является негативным теоретизированием, обусловленным, возможно, идеологическим поветрием, но не задачами действитель-

ного познания. Изъян, столь поспешно приписанный К. Марксу, высказан в духе текущего невнятного сочинительства на темы отсутствующей идеологии и национальной идеи, для чего обязательной ремаркой идет вульгарный антикоммунизм. Изъян оказывается не у К. Маркса, а у господина Лекторского.

Лекторский рассматривает, соответственно неременной установке антисоветизма, и состояние советского общества, показывая его просто образцово тоталитарным со всеми либеральными описаниями ужасов: «...тоталитарная система в Советском Союзе создала целую систему отчуждения, и прежде всего отчуждение от человека огромной репрессивной государственной машины (между прочим, в дискуссиях о проблемах гуманизма и отчуждения, которые стали распространены в нашей философии в 60-е и 70-е гг., нельзя было даже затрагивать тему отчуждения в нашей стране, ибо априори считалось ясным, что никакого отчуждения при социализме нет и быть не может)» [2, с. 13]. Но тут дело обстоит так: если есть что сказать, то философ обязан это делать, тем более находясь, как Лекторский, на весьма высоких руководящих постах. Э.В. Ильенков, например, высказывался на тему отчуждения в СССР. Если же Лекторский разделяет мифы хрущевской «оттепели» и это единственное, что он может высказать по данной тематике, то действительно лучше промолчать, поскольку грамотные историки эту мифологию давно опровергли (Ю. Жуков, Е. Спицын), и не пристало столь маститому ученому распространять и поддерживать своим авторитетом диссидентские настроения времен своей молодости, инспирированные службами внешней разведки враждебных государств.

Еще пример того, как «философствуют молотом» – но не в ницшевском смысле достижения твердости созидания, а наоборот, – как разбивают скрижали духа, располагая на их месте некачественные продукты буржуазной ревизионистской мысли. Кратко рассмотрим опус Т.И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» [4].

Теодор Ойзерман начинает развенчание марксистской традиции прямо в Предисловии, непосредственно с К. Маркса. На первой же странице он начинает обелять сам термин «ревизионизм», дескать, проводить ревизию существующих взглядов есть нормальный процесс познания. Здесь начинается чистая софистика, которой и дальше будет наполнено это произведение. За поддержкой он обращается к новейшей физике: «Разве теория относительности и квантовая физика не являются основательной ревизией принципов классической механики и всей физики XVII-XIX веков?» [4, с. 7].

Отвечаем Ойзерману: нет, совершенно не является никакой ревизией релятивистская физика по отношению к физике классической. Она является обоснованным логическим расширением последней с указанием меры, где ньютоновские представления сохраняют свою истинность. Не надо путать (уверен, это делается сознательно) политико-идеологический термин «ревизионизм», выражающий классовые интересы самого ревизиониста, и нормальную практику научной критики.

Далее, видимо для облегчения проведения своего ревизионистского настроения, Ойзерман берёт в помощники Г. Адлера и приводит ряд его возражений против теории К. Маркса, солидаризуется с ними, а потом заявляет: «Я столь подробно остановился на изложении критических замечаний Г. Адлера, чтобы показать, что уже через 20 лет после опубликования первого тома «Капитала» Маркса некоторые, весьма серьезные заблуждения этого гениального мыслителя стали видны и такому ученому весьма среднего уровня, каким был Адлер» [4, с. 13].

Но эдак можно «доказать» что угодно ссылкой на учёных «средней руки». Например, есть у кого-то соображение, что мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь. Как это обосновать? Совершенно несложно, стоит только привести аналогичное представление Бюхнера, Фогта и Молешотта, и добавить, что-де даже этим средним ученым сие понятно. Но такие логические выверты суть чистая и негодная софистика.

Ойзерман крайне удивляется, что Ф. Энгельс, назвав Г. Адлера «жалким ренегатом» [5, с. 8], предложил эту книгу не замечать. И вопрошает, совершенно в абстрактно-интеллигентском духе: «Замалчивание критики весьма существенных положений марксизма отнюдь не является лучшим ответом на неё. Да и можно ли вообще замолчать критику марксизма?» [4, с. 13]. Он не хочет видеть, что Ф. Энгельс в этом же абзаце объясняет своё отношение к писанию Адлера: «...это просто непристойный и нелепый памфлет, которым автор хочет привлечь внимание – внимание правительства и буржуазии к своей важной особе» [5, с. 8]. И далее: «И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, желая создать себе рекламу, нападает на нашего автора» [5, с. 8]. Не о критике марксизма у Адлера, таким образом, идёт речь, а о нелепом памфлете, серьёзно отвечать на который было бы смешно.

По ходу изложения апологии ревизионизма Ойзерман объясняет своё прежнее (в советское время) кредо, которое было вполне в русле марксизма-ленинизма: «Это рассуждение Ленина (характеристика ревизионизма Бернштейна – А.Г.) не может не вызвать недоумения у вдумчивого читателя, если он, конечно, не ослеплён большевистской пропагандой, как были, увы, ослеплены мы (к себе это я отношу отнюдь не в последнюю очередь)» [4, с. 15]. Эдакая куриная слепота длиной в 50 лет (1941 – год защиты кандидатской диссертации – 1991 гг.), при том, что на войне он был инструктором политотдела фронта, а в 1962-1966 гг. – профессором Высшей партийной школы при ЦК КПСС. За работы по философии марксизма был лауреатом Ломоносовской и Государственной премий. Так кто кого ослеплял?

После адлеровского памфлета (серьёзной критики приведено не было, никаких аргументов по существу не выставлено) Ойзерман переходит к Ленину, с упоеанием выискивая у него формальные логические нестыковки, и уличая в непоследовательности. Вместо диалектики исторического процесса Ойзерман хочет иметь формально-непротиворечивую, согласованную в деталях систему неизменных представлений. Но такая догматика присуща именно «критикам» марксизма. Зани-

маться разбором каждого такого «аргумента» дело лишнее, тут надо последовать за Ф. Энгельсом и отместить всё это сочинительство как рецидив типично буржуазной идеологии.

Вот пример глубины анализа состояния дел в соревновании двух систем XX в.: «Уже в середине прошлого века капиталистическое общество вступило в эпоху научно-технической революции, которая, с одной стороны, практически доказала жизнеспособность капиталистического способа производства, а с другой – вполне выявила внутренне присущую "реальному социализму" экономическую несостоятельность» [4, с. 23]. Каким образом «вполне выявила» остаётся неизвестным. Это либерально-агитационный текст пропагандиста-антисоветчика, но никак не философа.

Введение Ойзерман озаглавливает «Марксизм и догматизм», сразу обозначая направленность своей ревизионистской критики. Первый раздел звучит так: «Догматизм, внутренне присущий учению Маркса и Энгельса». В чём же, по мнению философа-академика, он заключается? Первая догма: «...идея неизбежности социалистического переустройства капиталистического общества была не чем иным, как догматическим убеждением, верованием, которое Маркс и Энгельс разделяли вместе со своими предшественниками-утопистами» [4, с. 31]. Ойзерман желает получить абсолютно точное, математически выверенное доказательство неизбежности социализма, а его отсутствие трактуется им как догматическое верование. Однако, даже в физике, уже на ранних этапах её формирования, Х. Гюйгенсом было высказано положение, что «В физике не бывает точных доказательств...» (цит. по [6]), что никак не отменяет истинности открываемых ею законов природы.

Следующая «догма» касается способа перехода к социализму и тезиса «Манифеста», что «капиталистические производственные отношения отжили свой век, превратились в оковы для развития производительных сил...» [4, с. 35]. Эти положения могут быть дискуссионно обсуждаемы, но для этого надо реально предложить и хорошо обосновать альтернативу одному и другому. Пока этого нет, все упреки повисают в бесосновности.

Завершим краткий обзор специфики этого ревизионистского поветрия примечательным пассажем, который просто затруднительно как-то разумно комментировать: «Меринг умер в 1919 г. Если бы он прожил ещё 19-20 лет, он мог бы убедить, что социал-демократы Германии и других западноевропейских стран идут от успеха к успеху, следуя по пути, который в значительной мере был проложен «ревизионистом» Э. Бернштейном» [4, с. 43-44]. Если бы Меринг был жив в 1938-1939 гг., он увидел бы, что его партия находится на нелегальном положении, в стране полноправно господствует нацистская идеология, а мир находится в преддверии мировой войны. Противостоит же этому безумию и в дальнейшем победит его именно то общество, которое было построено на ревизуемых нынче основаниях.

Таким образом, ни Лекторский, ни Ойзерман, несмотря на свои весьма высокие должности, позволившие им во многом определять направление развития фи-

лософии в СССР, как только была реставрирована эпоха буржуазных отношений, не продемонстрировали ни научности подхода в анализе темы марксизма и ревизионизма, ни даже просто понимания специфики мышления. Первый ограничился глубоко абстрактным и бессодержательным упреком Марксу, забыв о конкретности истины, второй также остался на уровне пустых абстракций, сформировав очередной вариант схоластической демагогии. А ссылка на Меринга вообще демонстрирует крайнюю степень прямой фальсификации истории со стороны Ойзермана.

Нет таких измышлений и подтасовок, на которые бы не пошли антисоветчики, в том числе и в лице профессоров и академиков философии в своих попытках дискредитации научного марксизма. Критика такого рода раз за разом оказывается вульгарной и крайне примитивной, что, впрочем, нисколько не смущает ее адептов. Так, личностные особенности морального уровня становятся понятийно обобщенной величиной, позволяя легко отказаться от всего багажа наработанного в период социализма знания. Это наглядно иллюстрирует гегелевскую трактовку конкретного понятия как «... то, что свободно как сущая для себя субстанциальная мощь...» [1, с. 341]. Только надо учесть совершенно мнимый характер этой мощи, когда дело касается рассмотренных примеров критики. Свобода критики есть, а содержательность ее осталась невыполненной.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук в 3-х т., т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. III т. // Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 545 с.
4. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма — М.: Канон+, РОО И «Реабилитация», 2005. — 688 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург // Соч., Т. 37. - М.: Издательство политической литературы, 1965. – С. 6-8.
6. Кокс А., Полак П. Христиан Гюйгенс - один из крупнейших ученых Голландии // Природа. № 12, 1979 г. URL: https://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/PAPERS/NATURE/HUY/HUY_1.HTM